

Брызгалова Анита Вадимовна

аспирант кафедры политической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0008-9188-7968, SPIN-код: 5637-9482, AuthorID: 1258348

Электронный адрес: anita.bryzgalova@yandex.ru

Anita V. Bryzgalova

Postgraduate at the Department of political psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg. ORCID: 0009-0008-9188-7968, SPIN-code: 5637-9482, AuthorID: 1258348

E-mail address: anita.bryzgalova@yandex.ru

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ УЧАСТИЯ

Аннотация. Необходимость изучения экстремальных форм политической борьбы продиктована самой жизнью. Россия пережила не один виток серьезных трансформаций, склоняясь от «перемен ради перемен» до «порядка ради порядка». Новый курс к одной из этих граней может окончательно дестабилизировать страну, привести к значительному замедлению в развитии, не говоря уже о потенциальных человеческих жертвах подобных массовых и единичных явлений. В данной статье анализируются возможные причины подобного участия на индивидуальном и групповом уровне с учетом экономических, психологических, политических и иных факторов. Подчеркивается их констелляция. Эмпирическую основу исследования составили фокусированные интервью. В качестве целевой аудитории были выбраны студенты высших учебных заведений и колледжей. Результаты исследования выявили значительные различия у данных групп в представлениях о политической борьбе, методах её ведения, личных мотивах участия. При этом большинство респондентов подчеркнули важность и приоритет использования конвенциональных средств в решении современных конфликтов, а также недопустимость терроризма и экстремизма как радикальных форм политической борьбы.

Ключевые слова: политическая борьба, протестная деятельность, молодежь, экстремальное поведение, факторы участия.

Для цитирования: Брызгалова А.В. Экстремальные формы политической борьбы: причины и факторы участия // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2026. № 2. С. 98–107. DOI: 10.18137/RNU.V925X.26.02.P.098

EXTREME FORMS OF POLITICAL STRUGGLE: REASONS AND FACTORS OF PARTICIPATION

Abstract. The need to study extreme forms of political struggle is dictated by life itself. Russia has experienced several rounds of major transformations, ranging from “change for the sake of change” to “order for the sake of order”. A new course toward either of these dimensions could ultimately destabilize the country, leading to a significant slowdown in development, not to mention the potential human cost of such mass and isolated events. This article analyzes the possible causes of such participation at the individual and group levels, taking into account economic, psychological, political and other factors. Their constellation is emphasized. The empirical basis of the study consisted of focused interviews.

Экстремальные формы политической борьбы:
причины и факторы участия

The target audience was college and university students. The results of the study revealed significant differences between these groups in their perceptions of political struggle, its methods, and personal motives for participation. Moreover, the majority of respondents emphasized the importance and priority of using conventional means in resolving modern conflicts, as well as the inadmissibility of terrorism and extremism as radical forms of political struggle.

Keywords: political struggle, protest activities, youth, extreme behavior, participation factors.

For citation: Bryzgalova A.V. (2026) Extreme forms of political struggle: Reasons and factors of participation. *Vestnik of Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 2. Pp. 98–107. DOI: 10.18137/RNU.V925X.26.02.P.098 (In Russian).

Введение

На протяжении всей истории прослеживается явная склонность человечества использовать в политической борьбе самые изощренные и крайние средства для достижения своих целей. И хотя насилия в общих масштабах и повседневной жизни становится меньше [1], глобальные угрозы оказываются всё ближе, опаснее, разрушительнее. И здесь, как при рассмотрении любых катаклизмов, возникает неизбежное стремление выяснить их динамику.

Несмотря на достаточное количество литературы по изучению кризисных явлений, в том числе революции как наивысшей экстремальной формы политической борьбы, исследователи не приходят к единому мнению, универсальной формуле, подходящей для объяснения и прогнозирования. Никто не способен на подобный расчет в чистом виде отчасти потому, что меняется контекст ситуации и «риск-менеджеры не замечают очевидного противоречия: рассматриваемое ими наихудшее событие в момент, когда оно произошло, было хуже, чем все известные к тому моменту наихудшие сценарии» [2, с. 79]. В связи с этим представляется важным рассмотреть причины выбора экстремальных форм политической борьбы в совокупности факторов, где одним из существенных аспектов их изучения будет разделение по причинам на индивидуальные и групповые, которые, разумеется,

неотделимы в полной мере. Подобное изучение может способствовать своевременному урегулированию, профилактике негативных явлений в будущем.

Причины выбора экстремальных форм политической борьбы

В общем виде к экстремальным формам политической борьбы относятся все те неконвенциональные варианты, которые включают в себя радикальные элементы, физическое насилие и противозаконные действия (заказное убийство, восстание, мятеж, переворот, война, революция, терроризм и др.).

Один из наиболее известных подходов, объясняющий участие в актах политического насилия и различных оппозиционных движениях на индивидуальном уровне, – психологический, где подобное поведение является следствием прежде всего невозможности удовлетворения тех или иных потребностей. Причем подчеркивается, что чаще, чем кажется, борьба идёт не за низшие из них, а за самооценку, чувство собственной значимости, потребность в самореализации. Фрустрация не всегда ведет к борьбе, но однозначно создает готовность для нее, которая может проявиться при дополнительных, в том числе ситуационных, условиях.

Социальные установки и поведение человека не до конца изучены в психологии, между ними подчеркивается связь, но она

носит не прямой характер (по парадоксу Лапьера практически отрицается, хотя его эксперимент подвергся значительной критике со стороны научного сообщества). Здесь скорее «дело не в том, что действуют в соответствии с тем, что думают, но то, что думают, ставит вехи для возможного действия» [3, с. 230]. По Л. Фестингеру, люди по крайней мере стремятся сделать баланс, устранить когнитивный диссонанс и поменять свои установки под не всегда «правильное» поведение, иными словами, оправдать разрушительные действия (необязательно по отношению к кому-то, бывает и саморазрушение) высокими или иными мотивами. К тому же люди оказываются гораздо результативнее, если их представления и действия работают синхронно. Представьте, как тяжело было бы глухому видеть на экране телевизора одну картинку, а читать по жестам сурдопереводчика совсем другую. Наряду с этим, установки сложнее трансформируются в действия, что же касается радикальных высказываний установлено, что они редко переходят в радикальные действия [4, р. 211]. При этом внешняя лояльность к политической власти может исходить от склонности большинства людей к конформности, а не отражать реальных взглядов в отношении неё.

На поведение отдельного индивида значимую роль оказывают предполагаемые последствия (санкции) после совершения тех или иных протестных действий, если они не спонтанного характера (как вор, который точно знает, что его поймут, вряд ли пойдет на преступление), либо «награда» (моральная или материальная) должна сильно превышать риски. Моральная скорее связана с идентичностью человека, например, когда политические ценности ставятся выше семьи или, напротив, носят характер своеобразной мести за нее. Авторское исследование среди молодежи

также подтвердило, что страх (неудачи, наказания, вреда близким) – один из сильнейших ограничивающих факторов протестного поведения. Отчасти на это влияет и фактор культуры протеста, которая у одних стран вписана в нормативность и повседневность, а у других считается крайней мерой, когда все остальные способы не работают. Можно предположить, что экстремальность в худших её проявлениях скорее встретится у последних.

Тем не менее, рассматривая отдельно взятого индивида, относительно легче сделать заключение, почему он совершил или готов совершить те или иные действия. Гораздо сложнее определить и тем более проконтролировать, предвидеть, как и за счет каких механизмов способны объединиться совершенно разрозненные изначально индивиды. Грань, где происходит влияние индивида на группу и группы на индивида, тонкая и не всегда уловимая.

Исследование предикторов коллективных протестных действий в психологии показало, что наиболее влиятельна совокупность трёх из них:

- 1) групповое ощущение несправедливости (поскольку субъективное ощущение социального неравенства может восприниматься как справедливое, законное);
- 2) социальная идентичность (определяет степень, в которой воспринимается несправедливость);
- 3) групповая эффективность (вера в то, что группа может решить свои проблемы совместными усилиями).

При этом политизированная идентичность группы наиболее показательна для прогнозирования коллективных действий [5]. Конечно, протестное поведение может быть и нормативным, не только экстремальным, но на практике не всегда разделяется, и изначально мирные протестные действия порой переходят в крайние фор-

Экстремальные формы политической борьбы:
причины и факторы участия

мы борьбы, расширяя круг используемых средств.

Как установили Е.Р. Агадулина и А.В. Ловков [6], проверяя вышеизложенные предикторы, выбор именно ненормативных способов связан с высокой политической самоэффективностью, сочетающейся с низким уровнем доверия к власти, или с низкой самоэффективностью, когда «нечего терять», а экстремальность позволяет создать резонанс и привлечь внимание, что может привести к желаемым изменениям. Стоит заметить, что социальные сети в новой реальности – идеальная платформа для «низкоэффективных» с целью повышения собственной значимости, с учетом вложения минимальных ресурсов. Онлайн-радикализация, вероятно, будет только повышаться в будущем.

Особое влияние оказывает также групповая сплоченность и солидарность, особенно «переживание чувства презрения по отношению к членам аутгруппы» [6, с. 133], когда есть ответственные (иногда и один человек), «виновные» в неблагоприятном положении нашей группы, важно именно обозначение противника. Компенсаторная функция подобного «ритуала» – в снятии накопившего напряжения, источник которого не осознается в полной мере и где «символические изменения порой являются замещением и суррогатом насущных общественных и политических преобразований» [7, с. 11], а группа отмены – лишь смещенный образ, символ «воздаяния» или «наказания», перекладываемой ответственности. Потеря подобного «врага» может привести к постепенному развалу группы, где он являлся мощным стимулом для объединения.

Дж. Беккер и Н. Тауш в своей работе [8] приходят к выводу, что радикальное поведение исходит из чувства гнева и презрения, неуважения к политической элите, прави-

тельству, полиции или иным группам, которые по своим функциям перестают соблюдать социальные нормы и соответствовать моральным стандартам. Кроме того, они предположили, что «ненормативные действия предпринимаются, когда индивиды чувствуют, что их группа бессильна повлиять на политические решения через конвенциональные каналы или не имеют доступа к ним» [8, р. 49].

Для И.Н. Дементьевой «социальный протест является крайней мерой, когда недоступны санкционированные обществом средства выражения политических позиций. Недоступность политически институциональных средств ведёт к ориентации на неинституциональные – протестные» [9, с. 86].

Теда Скочпол, анализируя три известные революции (французскую, русскую и китайскую), пишет о том, что все они вспыхнули «после более или менее продолжительной классовой и политической борьбы» [10, с. 91], или, иными словами, конфликта, который не был вовремя урегулирован и перешел в радикальную форму в виде революции. Конфликт элит в том числе может быть сильнейшим фактором использования экстремальных форм. Сложно отрицать и тот факт, что «революция может начаться только тогда, когда значительные слои элит, и особенно среди военных, переходят на сторону восставших или вмешиваются в происходящее» [11, с. 28].

При этом нельзя не заметить, что современный мир по большей части сгладил те причины, которые в прошлом могли служить поводом для того или иного народного возмущения. Голод в тех масштабах, что был в прошлых столетиях, маловероятно повторится в наши дни. Религиозный фактор ещё играет значительную роль на отдельных территориях, преимущественно в мусульманских странах, особенно на Ближнем

Востоке, но для всех остальных борьба за веру не характерна. Территориальный фактор может быть камнем преткновения и на данный период времени, но, опять же, классических колониальных войн сегодня практически не осталось, во многом благодаря развитию международного права.

Несмотря на то, что проблема голода в развитых странах держится на минимальном уровне, экономические причины политической борьбы (от резкого обеднения до относительного обнищания) продолжают оставаться одними из лидирующих, им может отводиться как первичная, так и вторичная роль; подчеркивается, что предельная нищета вызывает скорее мятежи, чем революции, а чаще и просто покорность своему положению [11], однако их значимость подтверждается практически всеми концепциями. Причем Дж. Дэвис, вдохновляясь не самым популярным эссе К. Маркса, пишет о том, что и улучшение экономического положения рабочих способно вести к социальной напряженности, при условии, что оно не поспевает «за ростом благосостояния капиталистов» [12, р. 5], добавляя, что политическая нестабильность рождается скорее из-за неудовлетворенного ума, чем живота. Широко известна также его модель революции. Идея Дж. Дэвиса заключалась в том, что революция наступает в основном после периода длительного экономического подъема и социального развития, когда резко делается существенный шаг назад, а потребности продолжают быть на прежнем уровне или даже расти, что в конечном счете приводит к фрустрации и тревоге на фоне сильного расхождения ожидания и реальности.

Теория относительной депривации продолжает оставаться одной из ключевых для объяснения протестных явлений, во многом благодаря работе Т. Гарра «Почему люди бунтуют». Ю.М. Плотинский делает

из этого следующий вывод: «ясно, почему радикальные реформаторы стараются на первых, шоковых этапах реформ сделать жизненный уровень большинства населения как можно более низким. Чем ниже стартовый уровень жизни, тем меньше вероятность его резкого падения на последующих этапах» [13, с. 195–196].

Безработица как фактор социально-политической дестабилизации зависит от конкретной рассматриваемой страны, в частности, «как показала Арабская весна, безработица является одним из важнейших предикторов протестных акций и даже революционных событий» [14, с. 119]. В ряде развитых стран, где есть достойные пособия по безработице, которые позволяют продолжительное время жить на высоком уровне жизни, ничего для этого не делая, протест может быть вероятнее не со стороны безработных, а от лица добропорядочных налогоплательщиков, особенно если подобные пособия получают мигранты.

С точки зрения крупных игроков, экономическая борьба (с ее неизбежной политической формой) ведется за максимизацию прибыли прежде всего между транснациональными корпорациями, в том числе с помощью финансирования политических партий, невзирая на законодательные запреты в ряде стран.

Идеологические причины экстремальных форм политической борьбы занимают главенствующую роль в трудах многих исследователей, идут наравне с экономическими или их превосходят. Как писал В.И. Ленин, «без солидного философского обоснования никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализ-

Экстремальные формы политической борьбы:
причины и факторы участия

ма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [15, с. 29]. Основная задача идеологии большинства бунтовщиков, помимо объединения социальных общностей, – оправдание внеправовых и противогосударственных способов в борьбе, которые используются для захвата власти, ради «великой» масштабной цели, даже ценой собственной жизни (мученичество). Иногда к этому подключается этнический фактор и националистические настроения, декларируемые авторами различных идеологий.

В контексте современных исследований в основном делается акцент на противоборстве таким деструктивным явлениям (идеологиям), как экстремизм и терроризм. Последний «как социально-политическое явление, безусловно, не может не включать в свое содержание всевозможные теоретические конструкции; идейно-политические, националистические и религиозные формы, то есть всё то, что может быть отнесено к понятию идеологии терроризма» [16, с. 15]. Очевидно, что для руководства к крайним действиям необходима серьезная и порой длительная психологическая вербовка, тщательно обосновывающая данные способы борьбы как правильные, необходимые и совершаемые «во имя спасения», «во благо», нередко жертвенность собой на религиозной почве, с расчетом на достижение лучшей жизни в ином измерении.

Зачастую так или иначе подчеркивается фактор влияния внешних агентов, участникам оппозиционных движений нередко приписывается иностранное финансирование, что не лишено смысла, однако данный фактор и в целом усиление влияния неправительственных организаций всегда происходит на благодатной для этого почве: «он никогда (или почти никогда) не добивается успеха в своей агитационной деятельности, до тех пор пока сами обстоятельства не

подтвердят царящую в обществе неудовлетворенность. Если подобная неудовлетворенность уже существует, “аутсайдер” имеет возможность сделать ее очевидной для всех» [17, с. 102].

Последний, но не по важности, образовательный фактор участия. Он может идти как часть идеологии или выполнять самостоятельную роль в принятии решения об участии в политических действиях. Согласно общероссийскому опросу Института социологии ФНИСЦ РАН и ряду зарубежных источников, более образованные люди лучше осведомлены о событиях политической жизни, активнее принимают участие в политике, и протестная деятельность не является исключением [18, с. 115]. Кроме того, по-настоящему крупные протесты в основном происходят в городах-миллионниках, «в зоне особых политических рисков проявления радикальных настроений находится молодежь больших городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. В мегаполисах наблюдается самая высокая концентрация активной молодежи. Сюда устремляются в поисках больших возможностей амбициозная и ищущая “лучшей доли” социально уязвленная молодежь из провинции» [19, с. 49].

*Представления учащейся молодежи
о политической борьбе: результаты
эмпирического исследования*

Цель исследования – изучение представлений молодежи о политической борьбе, а также ее субъективного опыта, связанного с данным политическим участием.

Задачи:

- 1) выявление интереса у современной молодежи к политике;
- 2) определение субъектов, осуществляющих политическую борьбу, по мнению молодежи;

3) установление причин потенциального участия молодежи в политической борьбе;

5) изучение представлений о допустимых и неприемлемых способах политической борьбы.

Гипотеза – представления о политической борьбе у молодежи носят диффузный характер вне зависимости от места обучения, однако студенты высших учебных заведений имеют большую потенциальную готовность к политической борьбе, чем студенты колледжей.

По данным авторского исследования 2025 года, проведенного среди студентов вузов (20–21 лет) и колледжей (18 лет). Выбран так называемый поздний подростковый возраст, поскольку именно с 18 лет гражданин РФ имеет право голосовать и быть избранным, его политическое влияние начинает приобретать самостоятельность и юридическую силу. Эмпирическую основу исследования составили фокусированные интервью. Использовался метод фокус-групп (2 выборки по 8 человек в каждой, сбалансированные по возрастным и социальным характеристикам). Были замечены существенные отличия в представлениях о политической борьбе у обучающихся данных учебных заведений.

Учащиеся колледжей оказались менее заинтересованы как в политике, так и, в частности, в политической борьбе. У них обнаружили установки «всё предрешено», «решают деньги», «правят элиты», «от меня ничего не зависит». Соответственно, в личном политическом участии они не видят смысла по причине недостатка ресурсов, знаний, связей и пр. Студенты вузов, напротив, всячески информированы о политической борьбе, у многих уже был данный опыт (в санкционированных формах). Политическая борьба для них – это прежде всего «возможность принимать решения», «продвижение своих

идей в массы», «отстаивание интересов». Среди способов политической борьбы они предложили множество творческих и оригинальных вариантов выражения политического мнения, помимо классических митингов и акций протеста. Для представителей вузов единоличное участие в политической борьбе признается существенным и иногда не менее влиятельным, чем групповое, особо отмечены такие крайние негативные варианты, как терроризм смертников и самосожжение по политическим мотивам. В качестве примеров участники назвали также одиночный пикет, политическую татуировку, подпись петиции, запись видео, экспрессию через творчество (политические картины, песни и др.), пост/репост в социальных сетях. Касательно последнего добавили, что если подобное сделает человек с большой аудиторией, то и отклик будет соответствующий.

Для респондентов из колледжей субъектами политической борьбы являются группы (партии, страны, организации), представляющие различные политические интересы, мнения: «когда ты в одиночку, то тебя не слышно, ты будешь гораздо успешнее, если станешь частью какой-то группы, партии». Единоличная борьба видится им маловлиятельной: «один человек вряд ли может существенно повлиять», «отдельные люди не имеют столько ресурсов, чтобы повлиять», «борьба всегда между какими-то кланами, причем если кто-то один из своего клана выразит непопулярное мнение для данной общности, его исключают из нее».

Среди гипотетических причин участия респонденты назвали:

- «невозможность удовлетворения базовых потребностей»;
- «ущемление прав и свобод, усиление властного контроля»;
- «политическая нестабильность»;

Экстремальные формы политической борьбы:
причины и факторы участия

- «четкое осознание собственной цели политической борьбы»;
- «желание принести пользу обществу».

На данный момент молодежь колледжа и вуза не готова к активной политической борьбе; первые не рассматривают её для себя в целом, вторые вполне допускают подобное участие в будущем, если какая-то из вышеперечисленных причин или их совокупность получит своё развитие, что подтверждает гипотезу о большей потенциальной готовности именно студентов вузов. Обе группы по большей части выступают за конвенциональные средства политической борьбы, называя экстремальные формы «крайней мерой, когда все другие средства уже использованы». Терроризм респонденты признали недопустимой формой при любых обстоятельствах. Что касается насильственных средств, участники отметили неизбежность их использования в определенном смысле: «насилие – самый эффективный способ, как показывает история», «я не столько поддерживаю, сколько понимаю, что иначе не может быть», «я против насилия физического, но психологическое насилие могут и не спрашивая использовать», «политическая борьба не должна нарушать комфорта людей, которые в этом не замешаны, между борцами насилие допустимо», «насилие внутри

страны для меня недопустимо, во внешней борьбе может быть».

Выводы

Таким образом, экстремальные формы политической борьбы – полифакторное явление, включающее индивидуальный и групповой (коллективный) уровень, где невозможно утвердительно заявить о преобладании влияния одного или другого, только синтез. Спектр возможных будущих исследований крайне широк, возможно, требует изучения исторического контекста экстремальных явлений в прошлом, различия конфликтов, которые привели к экстремальным массовым формам и тех, что остались на микроуровне или были урегулированы. В то же время это может быть полезно для отслеживания динамики социальных представлений, с точки зрения их историчности. Наиболее интересно было бы провести исследование политической идентичности на индивидуальном уровне с выявлением факторов, которые наиболее вероятно ведут к экстремальному поведению у психически здоровых людей (без явных патологий), в том числе рассмотреть те случаи, где частные интересы личности отодвигаются на второй план и преобладает нацеленность на общее благо.

Литература

1. Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше / Пер. с англ. Г. Бородина, С. Кузнецова. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 948 с. ISBN 978-5-00139-171-5.
2. Талей Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Караева. М. : КоЛибри : Азбука – Атткус, 2023. 758 с. ISBN 978-5-389-09892-3.
3. Рукет М.А. Познание масс. Очерки политической психологии / Пер. с франц. Н.В. Вышинского. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с. ISBN 978-5-88373-247-X.
4. McCauley C., Moskaleiko S. Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72 No. 3. P. 205–216. DOI: 10.1037/amp0000062
5. Zomeran M., Postmes T. Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. No. 4. Pp. 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504

6. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 4. С. 131–140. EDN RTYMBL.
7. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 350 с. ISBN 978-5-87417-384-5. EDN QPWVMX.
8. Becker J., Tausch N. A dynamic model of engagement in normative and nonnormative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers // European Review of Social Psychology. 2015. Vol. 26. No. 1. Pp. 43–92. DOI: <https://doi.org/10.1080/10463283.2015.1094265>
9. Дементьева И.Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 83–94. EDN QZIANH.
10. Скочтол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / Пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с. ISBN 978-5-93255-491-3.
11. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. 200 с. ISBN 978-5-93255-493-7.
12. Davies J. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 1. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.2307/2089714>
13. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М. : Логос, 1998. 280 с. ISBN 5-88439-119-6.
14. Коротаев А.В., Хохлова А.А., Цирель С.В. Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 2. С. 188–166. DOI: 10.17323/1726-3247-2018-2-117-166. EDN YUSSCX.
15. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений : В 55 т. Т. 45. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1970. С. 23–33.
16. Галицкий В.П. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Обозреватель. 2010. № 12 (251). С. 13–24. EDN MXSHAT.
17. Эдвардс Л. Естественная история революции // Социологический журнал. 2005. № 1. С. 101–131. EDN PCNLOT.
18. Латова Н.В. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России // Journal of Institutional Studies. 2021. № 13 (4). С. 112–125. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.112-125. EDN EMGXTP.
19. Пырма Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 2. С. 43–50. EDN YLYKOB.

References

1. Pinker S. (2011) *The Better Angels of Our Nature: The Decline of Violence in History And Its Causes*. NY : Viking. 832 p. (Russian edition: transl. by G. Borodina, S. Kuznetsova. Moscow : Alpina Non-Fiction, 2021. 948 p.).
2. Taleb N. N. (2012) *Antifragile: Things That Gain From Disorder*. NY : Random House. 544 p. (Russian edition: transl. by N. Karaev. Moscow : KoLibri; Azbuka – Attikus, 2023. 758 p.).
3. Rouquette M.L. (1994) *Sur la connaissance des masses*. Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble. 223 p. (Russian edition: transl. by N.B. Vyshinsky. Moscow : Canon+ Rehabilitation Research Center, 2010. 272 p.).
4. McCauley C., Moskaleiko S. (2017) Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model. *American Psychologist*. Vol. 72. No. 3. Pp. 205–216. DOI: 10.1037/amp0000062

Экстремальные формы политической борьбы:
причины и факторы участия

5. Zomer M., Postmes T. (2008) Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 4. Pp. 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504
6. Agadullina E. R., Lovakov A. V. (2013) Protest behavior: Individual and group factors. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 2. No. 4. Pp. 131–140. (In Russian).
7. Kolonitskiy B.I. (2012) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossijskoj revolyucii 1917 goda* [Symbols of Power and the Struggle for Power: A Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg : Liki Rossii Publ. 350 p. ISBN 978-5-87417-384-5. (In Russian).
8. Becker J., Tausch N. (2015) A dynamic model of engagement in normative and nonnormative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers. *European Review of Social Psychology*. Vol. 26. No. 1. Pp. 43–92. DOI: <https://doi.org/10.1080/10463283.2015.1094265>
9. Dementyeva I. N. (2013) The study of protest activity of the population in foreign and domestic science. *Problems of Territory's Development*. No. 4 (66). Pp. 83–94. (In Russian).
10. Skochpol T. (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press. 306 p. ISBN 0-521-22439-X. (Russian edition: transl. by S. Moiseev. Moscow : Gaidar Institute Publ., 2017. 552 p.).
11. Goldstone D. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*. OUP USA. 148 p. ISBN 0199858500 (Russian edition: transl. by A. Yakovlev. Moscow : Gaidar Institute Publ., 2017. 20 p.).
12. Davies J. (1962) Toward a theory of revolution. *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1. Pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.2307/2089714>
13. Plotinskiy Yu.M. (1998) *Teoreticheskie i empiricheskie modeli sotsial'nykh protsessov* [Theoretical and empirical models of social processes]. Moscow : Logos Publ. 280 p. ISBN 5-88439-119-6. (In Russian).
14. Korotaev A.V., Khokhlova A.A., Tsirel' S.V. (2018) Unemployment as a predictor of socio-political destabilization in Western and Eastern European countries. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 188–166. DOI: 10.17323/1726-3247-2018-2-117-166 (In Russian).
15. Lenin V. I. (1970) On the meaning of militant materialism. In: Lenin V.I. *The Complete Works* : In 55 vols. Moscow : Gospolitizdat Publ. Pp. 23–33. (In Russian).
16. Galitskiy V.P. (2010) State ideology in the fight against extremism and terrorism. *Observer*. No. 12 (251). Pp. 13–24. (In Russian).
17. Edwards L. (2005) *The Natural History of the Revolution*. 2nd edition. Chicago : University of Chicago Press, 1970. Pp. 23–66. (Russian edition: transl. by O.S. Gryaznova, *Sociological journal*. 2005. No. 1. Pp. 101–131).
18. Latova N.V. (2021) Political participation and request for change: The role of education. *Journal of Institutional Studies*. No. 13 (4). Pp. 112–125. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.112-125 (In Russian).
19. Pyrma R.V. (2017) Rebellion of the Generation Z: New Political Radicals. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Financial University Bulletin]. Vol. 7. No. 2. Pp. 43–50. (In Russian).

Поступила в редакцию: 03.04.2026

Поступила после рецензирования: 29.04.2026

Принята к публикации: 07.05.2026

Received: 03.04.2026

Revised: 29.04.2026

Accepted: 07.05.2026